

Завораживающие детективы
Виктории Платовой

ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА

Ужасные
невинные

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 Ужасные невинные / Виктория Платова. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с.

ISBN 978-5-04-109800-1

Эти люди опасны и порочны, но Макс вынужден на них работать. Запрещенный и рискованный бизнес дает ему деньги на поиски невероятной, волшебной, фантастической девушки Тинатин. Макс встречался с ней лишь однажды. Она одарила его всего лишь поцелуем, но забыть ее он теперь не в силах.

Он мечется по странам. Он видит ее на страницах глянце-вых журналов. Он легко убивает всех, кто ему мешает и тех, кто тоже безумно влюблен и хочет разыскать Тинатин. Кровавой работы Макс предстоит немало: все, кого целует эта неуловимая девушка, без ума от нее. Число конкурентов растет.

Проходя весь этот ад вместе с Максом, ты так и не можешь понять, деградируешь ты, сходишь с ума или переходишь на совершенно иной, недоступный простым обывателям уровень.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109800-1

© Платова В.Е., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

*Мнения персонажей книги
не всегда совпадают
с мнением автора.*

Нужно быть честным,
чтобы жить вне закона.

Боб Дилан

«МОЯ НОЧЬ С МОД»

* * *

Спутать Гато и Джан-Паоло так же проблематично, как и подрочить в редакционном сортире. Во всяком случае, в обеденный перерыв. Во всяком случае, для меня. О Гато я знаю чуть больше, о Джан-Паоло — чуть меньше, оба они болтаются на одном-единственном черенке, две вишенки, слегка переспевшие, слегка подгнившие; я моложе их обоих, но вряд ли это можно считать преимуществом. Барбиери.

Барбиери — это и есть черенок. Они носят одинаковую фамилию, хотя и занимаются разными вещами. Джан-Паоло — это «Exotic Nudes», издательство «Taschen», девятнадцать евро из сорока восьми, потраченных в книжном супермаркете «Горски»: два фотоальбома по цене одного, Таити и Сейшелы, никогда мне до них не добраться, никогда — ни до Таити, ни до Сейшел. Слишком много в мире мест, до которых мне не добраться. Слишком много мест, слишком много вещей. Шляпу борсалино мне тоже не носить. Но не только это убивает меня.

Что можно извлечь из шляпы борсалино по здравом размышлении? Кроличьи уши гангстерских войн в Чикаго и Нью-Йорке; носовые платки, загаженные то ли кровью, то ли томатным соусом; парочку томми-ганов с пятьюдесятью патронами в диске. Каким образом Гато выудил из нее саундтрек к «Последнему танго в Париже» — уму не

постижимо. Неизвестно, держал ли он когда-нибудь в руках томми-ган, но с саксофоном управляется будь здоров, шляпа борсалино идет ему так же, как и Аль Капоне, даром что Гато и не итальянец вовсе — аргентинец: сакральные складки у крыльев носа и плохо вымытые волосы выдают его с головой.

Гений с плохо вымытыми волосами — именно так.

Впрочем, Брандо в «Последнем танго...» выглядел еще хуже.

Как выглядит Джан-Паоло, я не имею ни малейшего представления. Зато его сейшельские и таитянские модели... о да, я хорошо их изучил, это, конечно, не повод для дрочки в редакционном сортире, но все же, все же... И неизвестно, что вставляет тебя больше — мужчины или женщины, скаты или *octopus*, песчинки на головке члена или вода, подступившая к соскам. Фрукты тоже выглядят эротично, глянцевого лепестки цветов провокационны, как чулки со швом, глаза мертвых акул полны тоски о несбывшемся, мне остается лишь кружить над всем этим великолепием.

Как стервятнику над падалью.

Круги, которые я с завидным упорством нарезаю, ограничены пространством кадра, цветного, но чаще черно-белого, разглядеть самого Джан-Паоло не представляется возможным: как и любой уважающий себя бог, он остается вне фокуса, вне досягаемости; может быть, просто прикидывается: татуировкой на ленивой таитянской голени, черепашиным панцирем или все тем же *ostorus*, иссушенным на солнце.

У гения и бога не так уж много различий.

Первому просто недосуг хорошенько вымыть волосы, а второй... Второй набивает их песком, рыбьей чешуей, осколками раковин — и делает предметом культа.

Гато и Джан-Паоло — две вишенки на одном черенке, слегка переспевшие, слегка подгнившие, — и они предмет

культы. Об этом я вспоминаю всякий раз, добравшись до редакционного сортира. Пейзаж за его окном далек и от Таити, и от Сейшел: глухая стена справа, с десятков немытых окон слева и помойка внизу (три мусорных бака, содержимое которых не вывозится годами). Иногда покой мусорных баков все же нарушается: две, а чаще три сомнительных личности начинают рыться в них в поисках легкой наживы.

Вряд ли Джан-Паоло и три его ассистента (Carlo Modonesi, Fabio Russo, Sergio Valente) бегали бы за ними с фотоаппаратом. Но даже если предположить невозможное — вероятность того, что итальянец (Джан-Паоло, в отличие от Гато, — итальянец) когда-нибудь появится здесь, ничтожно мала.

Вид помойки вдохновляет только меня.

Я единственный, кого он вдохновляет. Единственный из десяти штатных сотрудников журнала «Полный дзэн»: идиотизм названия не могут искупить ни полиграфия, ни псевдорафинированность статей о джазе и литературной экспансии скандинавов, ни долгоиграющие роад-муви по меню элитных кабаков. Ни даже описание прелестей лондонской подземки и федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия.

Никакого отношения к джазу и федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия я не имею.

Кино — вот чем мне приходится заниматься.

Особых усилий это не требует, знание предмета тоже необязательно: в поисковых системах «Yandex» и «Google» можно найти ссылки на любую интересующую меня киношку. Со всеми интересующими меня именами, обязательно культовыми, на худой конец модными. В среде менеджеров среднего звена, юзеров со знанием веб-дизайна, яппи с кредитами на «Honda HR-V» и владельцев фитнес-абонементов с пару десятков этих недоре-

занных тамагочи я знаю лично. Из кубиков на их животах можно выстроить пирамиду, они тоннами закупают мебель в «ИКЕА» и назначают свидания у Дома кино. Чтобы потом долго и со вкусом объяснять своим спутникам разницу между Ким Ки-Дуком и Ли Минг-Се, а заодно и разницу между суси-тэмакидзуси и суси-нигиридзуси, а заодно и разницу между японской и китайской чайной церемонией.

Их любимый писатель — Мураками (в позапрошлом году это был Зюскинд, но кто теперь помнит позапрошлый год?).

Их любимая книга — «Американский психопат» (в позапрошлом году это был «Алхимик», но кто теперь помнит позапрошлый год?).

Их любимое слово «трэш», как раньше было «кул».

По пятницам они курят кальян.

«Полный дзэн» тоже выходит по пятницам, два раза в месяц. Трех дней мне вполне хватает, чтобы подготовить обзор. Если никто из культовых, на худой конец модных режиссеришек не выдает на-гора очередную нетленку. Нетленки требуют более тщательного анализа, более изощренного подхода, «Яндексом» и «Гуглом» уже не обойтись, приходится подключать «Alta Vista» и каталог моего приятеля, Жан-Луи. Жан-Луи, в отличие от Джан-Паоло, — русский, настоящего его имени я не помню, да и вряд ли его кто-нибудь помнит.

«Моя ночь с Мод».

«Моя ночь с Мод» — Жан-Луи с маниакальным упорством хранит верность старому кино, такому французскому, такому черно-белому, что перехватывает дыхание. Не у меня — у него.

Жан-Луи — так звали главного героя, кажется, его играл Трентиньян.

Жан-Луи, или просто Лу — если насосаться пива. Или просто Жан — если совсем не пить; на Трентиньяна

Жан-Луи не похож, скорее на Марлона Брандо периода «Последнего танго в Париже»: те же залысины, тот же сваявшийся затылок, та же заезженная фраза после случайной ночи со случайной шлюхой: «Как тебе нравится твой герой?»

Женщины у Жан-Луи не задерживаются, кому нужен синефил с поразжающей воображение зарплатой работника видеопроката? Собственно, там мы и познакомились — в видеопрокате: я — по одну сторону прилавка, он — по другую; на моей стороне — Озон, Тарантино и «Резня бензопилой в Техасе», на его — Ромер, Риветт и «Случайно, Бальтазар». Повод для знакомства был самым невинным — «Любовное настроение» Кар-Вая; я искал «Любовное настроение» — и нашел его у Жан-Луи, на полке, украшенной самопальным плакатом «АРТ-ХАУС». Тот еще был вечерок, любовным настроением не пахло, совсем наоборот: моя очередная цыпочка бросила меня ради владельца фитнес-абонемента, две недели можно смело считать вычеркнутыми из жизни. Жан-Луи повезло больше: его очередной цыпочке хватило огрызка ночи, кто кого послал — остается неясным, может, все дело в этом сраном фильме.

«Моя ночь с Мод».

«Моя ночь с Мод» — вот откуда ноги растут. Ноги Франсуаз Фабиан¹.

Кто бы сомневался — она и есть Мод. Не то чтобы Жан-Луи целенаправленно искал цыпочку, похожую на Франсуаз Фабиан, таких Франсуаз — девять на десяток, ладно — пусть три, кратное девяти, но все же имеются. Нет, Жан-Луи ищет Мод, именно Мод, никак иначе. Ему нужна ночь с Мод, сукиному сыну. Хотя...

---

¹ Франсуаз Фабиан — французская киноактриса. (Здесь и далее примечания автора.)

Никакой он не сукин сын — Жан-Луи. Просто свихнувшийся на кино парень, и что бы я делал без него? Не пропал бы, конечно, клепал бы свои никчемные статейки и дальше, но именно Жан-Луи я обязан своей карьерой в «Полном дзэне». Интеллектуал-борзописец, убойный кинокритик, предмет вожделений студенточек филфака, психфака и факультета математической лингвистики.

Студенточки не впирают меня абсолютно.

Другое дело Жан-Луи. Вот кто вызывает у меня восхищение, иногда граничащее с ненавистью, иногда с искренним изумлением, а иногда мне просто хочется оторвать ему башку и покопаться в ней. Впрочем, я и так знаю, что бы там увидел.

Видеопрокат.

Не тот, в котором сидит Жан-Луи, — жалкий закуток в магазинчике «24 часа», необязательное дополнение к сервелату «Невский», нарезке из севрюги и марокканским апельсинам — не тот, другой. А может, и не видеопрокат вовсе, так — культовое сооружение, храм, костел, мечеть, синагога, с экраном вместо алтаря или с несколькими экранами, неважно. Важна проекция на экран, кино без продыху, все те же «24 часа», только марокканским апельсинам не принадлежит в них ни одной секунды. Единственный прихожанин храма, единственный зритель в зале — Жан-Луи, даже девки при нем нет, грешно лезть под блузку на глазах у Ромера, Риветта и «Случайно, Бальтазар». Нет ни девки, ни попкорна, мобильник отключен — я бы сдох от скуки.

Жан-Луи не сдыхает.

Кино — единственная среда, в которой он может существовать. В отличие от меня — интеллектуала-борзописца и убойного кинокритика. Я могу существовать где угодно, «Полный дзэн» предоставляет массу возможностей, редакционные корки — не что иное, как пропуск

в виртуально-гламурный рай, так, во всяком случае, думают студенточки. Филфака, психфака и факультета математической лингвистики. Среди них нет ни одной Мод, утверждает Жан-Луи, и я ему верю. Мод скорее можно найти в том самом виртуально-гламурном раю, куда я заходяваю пропустить стаканчик-другой. Сорок процентов рекламы, развешанной по кущам, не считая скрытой. А если посчитать — и все восемьдесят наберется, мои обзоры не исключение, это я — я! — заставляю всех этих тамагочи с кубиками на животе откидываться от своих компьютеров, сниматься со своих тренажеров, вырываться из стерильных объятий своих партнеров по бизнесу — и гоню, гоню их. На Ларса фон Триера (жалкое подобие Дрейера, по мнению Жан-Луи, — ваше место в школьном кружке «Умелые руки»). На Квентина Тарантино (фальшивые перепевки «фильм нуар», по мнению Жан-Луи, — ваше место в церковном хоре). На Франсуа Озона (неудачная реинкарнация Фассбиндера, по мнению Жан-Луи, — ваше место в экономклассе). Лично мне ни Тарантино, ни Озон и даром не нужны, хотя обычно проходят под рубрикой «Смотреть обязательно!». Пиво и кегельбан куда занимательнее, не говоря уже о флирте с цыпочками, далекими и от гламура, и от математической лингвистики. Пробники духов и посиделки в модных клубах — на это цыпочки клюют с не меньшим энтузиазмом, чем тамагочи на слово «культовый». Девять из десяти сотрудников «Полного дзена» — такие же ловчие, как и я, такие же егеря со стажем — поставляют мне подобное добро за здорово живешь: корпоративная солидарность налицо. Пробниками духов и тусней в модных клубах дело не ограничивается, сюда можно приплюсовать скидки в бутиках, ужины за счет полусотни заведений — от задраченного чайного домика до ресторана «ПалкинЪ»; VIP-места во Дворце спорта с последующим молниеносным рейдом за кулисы:

«Хай, как насчет автографа для моей крошки?.. Ну как тебе нравится твой герой?»

Я точно знаю, что нравлюсь и без шляпы борсалино. Я — бесплатное приложение к пробникам, клубешникам и скидкам в бутиках; особенно скидки, как тут не понравиться?.. Неизвестно, правда, понравился бы я Мод — *femme fatal* в интерпретации Жан-Луи, — но и сама Мод нужна мне примерно так же, как Озон с Тарантино.

Жан-Луи.

Жан-Луи — вот кто мне нужен по-настоящему.

Жан-Луи с вечно спутанной дикорастущей бородой, с продранными на локтях свитерами (их у него три — и все они продраны на локтях); с ботинками «Кларкс», выуженными лет сорок назад из французской «новой волны», кажется, им и сносу нет, в каком именно фильме он выудил эти ботинки — остается загадкой. Жан-Луи с его монографией о кино шестидесятых, которая никогда не будет дописана — и он, и я это знаем. «Моя ночь с Мод» — все дело в этом странном фильме, начинать монографию именно с него было большой ошибкой, дальше Жан-Луи не продвинулся, хотя объем уже и составляет две сотни страниц. Иногда, будучи в хорошем расположении духа, Жан-Луи зачитывает мне отрывки. При другом раскладе мне понравилась бы его писанина, но уж слишком много в ней Мод, слишком: Мод такая, Мод сякая, что делала бы Мод во время дождя? а во время прилива? а во время любви?.. Ни одна женщина не стоит двух сотен страниц, даже *femme fatal*.

Объяснять это Жан-Луи у меня нет никакого желания, да он бы меня и не послушал. Застревающая личность, но от этой личности целиком зависит моя карьера в «Полном дзэне». Нет, Жан-Луи вовсе не пишет за меня, как можно было бы предположить, — Жан-Луи за меня думает. Его размышления так же оригинальны, как и его ботинки. То

есть, возможно, «Кларксы» и были чем-то обыденным сорок лет назад, но только теперь их фиг достанешь. Мысли, которые достает из своей синефильской башки Жан-Луи, волнуют меня чрезвычайно, ни в каком другом месте ими не разживешься. То, что они касаются совсем другого — полузабытого — кино, не имеет значения. Мне остается лишь заменить фамилии режиссеров, старые на новые, переставить буквы в словах и слова в названиях — и все, дело в шляпе (фасон — по усмотрению, я, как обычно, предпочитаю борсалино). Открытие, которое сделано мной в качестве убойного кинокритика журнала «Полный дзэн», не так уж оригинально, но я пришел к нему сам: людям совершенно все равно, что смотреть, в любом из фильмов, пусть и самых великих — действительно великих, не то что нынешняя постмодернистская дешевка, — в них нет ровным счетом ничего такого, чего бы они не знали или о чем не догадывались, опыт-то у всех одинаковый. И у меня с «Резней бензопилой в Техасе», и у Жан-Луи со «Случайно, Бальтазар», и у цыпочек с «Красоткой», и у студенточек сдушу-гроба-мать-«Догмой». Любое событие можно описать одними и теми же словами, сюжет укладывается в еще меньшее количество слов, важен лишь образ, который при этом создается. Образы — они пасутся в синефильской башке Жан-Луи табунами, мне нужно выбрать подходящего жеребца, лучше парочку; лоснящихся на солнце, с точеными ногами, с вечно спутанной, дикорастущей гривой (такой же, как и борода Жан-Луи, немного брутальности, немного небрежности не помешает — за это меня и ценят в «Полном дзэне»). Жеребцы покорно следуют за мной — им все равно, за кем следовать. И обвинить меня в конокрадстве некому, единственный, кто мог бы это сделать, — сам Жан-Луи, но Жан-Луи принципиально не читает глянцевого журналов. Все, что он делает или не делает, имеет принципиальное значение.